

Борис Гончаров

Зелёный Дракон

или

"Образы любви"

Борис Гончаров

**Зелёный Дракон или
«Образы любви»**

«Автор»

2023

Гончаров Б.

Зелёный Дракон или «Образы любви» / Б. Гончаров — «Автор»,
2023

Будто Зелёный Дракон - три «образа любви», как пересечение параллельных линий женского и мужского. «Ветки персика» и «Кама сутра», Куприн и Бунин, Авриль и Виниегра, Серебрякова и Герасимов, футболист, сага семьи, дочери Евы, Ветхий завет: Премудрости Иисуса, сына Сирахова, перманентное рытьё улиц, литературный клуб «Сермяжная правда», издательство «Вешние воды», кафе «Хочу всех». Иллюстрации – автора, обложка – Supra (лицензия CC0).

© Гончаров Б., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Кто и что	6
1.1. «Матрёшка»	6
1.2. Комдив и Дракоша	7
1.3. Клеопатра Львовна Шумская и Суламифь	20
Глава 2. Закруткин	29
2.1. «Образ первой любви»	29
2.2. Закруткин и Тата	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Борис Гончаров

Зелёный Дракон или "Образы любви"

Предисловие

Тоска, – жаловался Шлиппенбах, – и выпить нечего. Лежу тут на диване в одиночестве, с женой...

(С.Довлатов. «Шоферские перчатки»)

Если вы посмотрите на Вселенную по-человечески, то увидите не «одну звёздочку» и даже не пять, как в «Карнавальной ночи». Мириады звёзд и планет, наша Галактика, Солнечная система, Земля, люди...

Октябрь 2072 года.

В углу, образованном пересечением двух улиц, недалеко от Дома писателей опять корёжат асфальт, поднимают плитку, трактор, напрягаясь, стаскивает скульптуру небритого весёлого мужика в кепке и мятых штанах с вывернутыми пустыми карманами. Такие демарши с периодическим рытьём улиц случались и 50 лет назад. Однако, теперь эта разруха не из-за укладки водопровода, чтобы через две недели проложить канализацию, а затем ломать для прокладки электрического кабеля, и не для установки памятника недружественным, как теперь говорят, писателям, что в городе Чернь – Толстому и Тургеневу. Но любопытные уже прослышали, что всё-таки памятник – какой, чему или кому, об этом знают пока только архитектор, скульптор и заказчик, мы узнаем в конце книги...

50 лет назад

Глава 1. Кто и что

1.1. «Матрёшка»

Матрёшка – русская деревянная игрушка, состоящая из полой внутри ярко разрисованной куколки овальной формы, в которой находятся вложенные одна в другую такие же куколки меньшего размера. Название игрушки произошло от уменьшительно-ласкательной формы.

(Лингвострановедческий словарь)

Общенный корень в слове «матрёшка» – случайность, не имеющая непосредственного отношения, хотя общеизвестно, что и матрёшка, и указанная случайность – давнишнего происхождения, но пусть исследованием этого факта займутся другие.

Узкий жилой дом имел два входа: один – с тихого зелёного двора – в квартиры, второй – с фасадной – в Дом писателя, издательство «Вешние воды», типографию издательства, клуб «Сермяжная правда», магазин duty-free и кафе «Хочу всех», над баром которого угнездилась яркая вывеска с зелёным драконом: «Коньяк – плод любви дуба и чачи». Дом был поставлен в угол (буквально) улиц: Тургенева – фасадом, правой стороной – перпендикулярно Салтыкова-Щедрина. На небольшой площади перед Домом писателя, справа от дорожки, ведущей к входу, почти в самом углу пересечения улиц на пьедестале стоит металлическая, покрашенная под бронзу скульптура 2-х метрового весёлого мужика в кепке, который вывернул пустые карманы своих штанов, надо полагать, как прообраз небогатой жизни писателей. Комдив и Закруткин, проходя мимо, обычно похлопывали мужика по босой ноге (эта пророческая скульптура была поставлена на указанном месте очень давно, как говорится, при царе Горохе, и на сессиях городской Думы иногда возникали дискуссии о сносе этой двусмысленности с вывернутыми карманами). На третьем этаже Дома писателей обреталось издательство и устроился литературный клуб, на втором – типография издательства, на первом – конференц-зал, кафе и магазин. Первоначально кафе владельцем планировалось назвать легкомысленнее и длиннее, но при согласовании аренды в издательстве ему мягко указали, что краткость – сестра таланта, а талант – кусок серебра, чем короче назовёт, тем таланта будет больше. Кафе и магазин кормили-поили всех желающих, а duty-free – только по удостоверениям с фото, печатью и подписью директора, впрочем, завсегдаев, в т.ч. Комдива и Закруткина, помнили и без удостоверений, но иногда для дисциплины проверяли.

1.2. Комдив и Дракоша

Василь Иваныч или Комдив – как называли начальника артели бульдозеристов товарищи, даже будучи начальником, бросался в атаку, как Чапаев, впереди всех «на лихом коне». Над кабиной его бульдозера был намертво закреплён железный (и содержанием, и материалом) лозунг: «Карфаген должен быть разрушен». Специфика работы оригинально преломилась на Комдиве запахом солянки, который был принят столичной литературной гостьей за редкий арабский парфюм (этот *эпизод* – в Главе «Делегация столицы»). В сегодняшнее воскресное утро Василь Иваныч сосредоточенно сидел, опершись правым локтем на стиральную машину перед ним и ладонь уперев в лоб, а левую положил на левое же колено. Неожиданно, но кстати в голову Комдива пришла сакральная мысль о том, что человечество поглощает массу еды и жидкости, но часть этого добра посредством экскреции выводится в канализацию – что-то тут неправильно: или еда и питьё, или бог промахнулся с внутренним устройством человека, животных и птиц.

Задумчивый Комдив повернул голову в сторону Зелёного Дракона – это по-китайски, а по жизни: Дракоша – маленькая, трёхцветная кошка, также сосредоточенно сидевшая над своим лотком, но смотревшая прямо перед собой. Позы обоих, Василь Иваныча – почти абсолютно – соответствовали позе «Мыслителя». Пусть Роден, отсекавший при ваянии всё лишнее, извинит на небесах это невольное сравнение. Комдив вдруг вспомнил, что устройство, на котором он восседал, нравилось почему-то его не изведанной во всей полноте подружке. А ещё она представила себя в интернете в парадно-выходном халате (из байки), что безусловно свидетельствовало о её оригинальности. Это сногшибательное фото, спровоцировало Комдива сочинить начало неоконченной поэмы:

Ваш канонический халат

не признаёт мой апокрИф.

Но скажу Вам в одночасье:

«В раю намного климат мягче,

но лучше общество в аду».

Вот туда Вас и зову.

Конечно, начало поэмы не бесспорно с точки зрения «неизведанной», и вообще предпочтение Комдива – проза, как в чтении, так и сам. Собственно, если сказать честно, но откровенно (интересный неологизм – надо запомнить), сочинял он не о бульдозерах и даже не о Карфагене и римском Сенате, а о девушках, к которым после двух опытов, объяснённых Чиа Дао ду коротко: «Женский успех – это на 60% успех модельеров и косметологов», относился с предубеждением, как Шопенгауэр. «Не изведанная во всей полноте», приехала-таки, знакомиться. Вместе с Комдивом она вошла в комнату, молча поставила свечку на стул, зажгла её и стала наблюдать. Когда свечка догорела, барышня сообщила, что интуиция ей подсказывает о неправильном горении. Не говоря более ни слова, гордо вышла, оставив Комдива в недоумении. Да уж, так говорил Чиа Дао ду: интуиция – это инстинкт большого опыта, но Комдив так ничего и не понял про эти два в одном флаконе: интуицию и свечку.

Дракоша после завершения процессов перебралась на крышку «устройства».

А Василь Иванович вымыл руки Absolut,om – не водкой, послеперестроечного польского происхождения, а из флакончика с пневмопуском – жидким мылом цвета хаоса броуновского движения живчиков, пролитых внутрь девичьих чресел и априори знающих, куда им дальше стремиться. Однако более комфортным он считал исполнение экскреции в летнем туалете или в поле – «петушком», как квалифицировал это Арамис – один из квартета, о котором ещё будет сказано. Следует отметить, что далее возможны ещё некоторые натуралистические эпизоды, так ведь они имеют место быть в жизни, и, в конце концов, эти *эпизоды*, далеки от того, что в «Водно-болотных угодьях» Шарлотты Рош. Дракоша, тоже по своему умывшись, пришла к лежавшему с закрытыми глазами на диване в своей гостиной Комдиву, свернулась калачиком на его груди и мирно замурлыкала, по-родственному посматривая на цветную татушку китайского дракона с разинутой пастью на плече хозяина (память глупости глубокой юности

Комдива, но Закруткин где-то читал, что такая татушка – символ «образа любви»). В связи с предстоящим днём 14 января задремавшего Комдива посетил соответствующий мыслеобраз, который он позже отстучал в ноутбуке и отправил почтой Закруткину – за мнением.

Спич Мюнхгаузена (по мотивам картины Оскара Херфурта)

На картине изображён зал трактира и большой стол, за которым сидят смеющиеся собутельники во главе с рассказывающим свою правду Мюнхгаузенем. Над столом висит огромная люстра с горящими свечами. На полу у стола – собаки с весёлыми глазами и раскрытыми ртами. Genossin, позвольте мне провозгласить свой спич.

Иероним фон Мюнхгаузен самый правдивый человек всех времён и народов – это отметил ещё Чиа Дао ду за много тысяч лет до Иисуса, а тот повторил, когда был в вертепе, и это медицинский факт. (В зале засмеялись). Что ха-ха, что ха-ха? Официально заявляю: сейчас 13-е января (не 31 июня), 23 часа, 45 минут. Потому что завтра – четырнадцатое – наш Старый Новый год. И это тоже медицинский факт. Вы же знаете о моей службе российскому престолу в бытность на нём Елизаветы Петровны? Но я вовсе – не об этом... Так о чём это я? Ах, да, кельнер, плесните рейнского... О новогоднем, о том, чем женский контингент привлекателен для мужчины – и не только в Новый год ... Если верить книге Десмонда «Голая женщина» – это удивительное создание природы («она всегда всех удивляла – такую уж она была») – женщина, естественно, хотя и книга тоже. Уточняю, говорю о том, что в контингенте привлекательно. Ги де Мопассан заметил, что женщины и мужчины в общем одинаковы, но у женщин есть нечто, привлекающее мужчин. Остап Бендер уточнил: – У моей подружки есть маленькая штучка (впрочем, это его политическая ошибка – должно быть «маленькая изюминка»). Некая oodnataka@yandex.ru в этом смысле образовала сайт, который так и назвала: «Дадим себе шанс» и присовокупила:

«P.S. Не исключаю возможность временного переезда, например, в Крым или Прибалтику, оставаясь подмосковичкой. Если будет такое предложение, обязательно рассмотрю». Это ж надо, «оставаясь подмосковичкой», и в Прибалтику, хорошо, не в Париж, чтоб умереть. Ещё у одной в аккаунте среди «любимых книг» Туринский папирус, но заявила, обидевшись, что это не её аккаунт. Открою вам, meine Freunde, что привлекательна не собственно женщина, а... Слышу, слышу обценные междометия про Зелёного Дракона. Поясняю. Оглянитесь вокруг... Не крутите головами – это я фигурально. Gott ist mit uns, ещё прольёте драгоценную влагу на скатерть, а я, как культурный человек, должен буду это не заметить, по мнению А.П.Чехова. Что мы видим? Мы лицезреем волшебную силу искусства. Женские ножки и между ними «окошки» ... Это не только прелестная цель, но и движение к высшей (буквально) цели... Как сказал Эдуард Бернштейн: «Цель – ничто, движение – всё!». Женский персонал, количеством на один миллион больше нас, просто-таки окружает мужское население. И у стоящих на прелестных ножках с «окошками» – не только круглые колени, но и другие части тела... А? Ну, да – не совсем круглые, полусферические, danke. И «нам от них не спрятаться, не скрыться», хотя некоторые пытались: Диоген жил в бочке, Менделеев – в дупле, Сократ стал философом, Одиссей уплыл в Трою, Толстой вообще убежал «от жены, от детей», и кое-кто – от Якобины (которая, обозвав супруга на разводном процессе мерзавцем, потребовала вернуть ей его)... Что, meine Freunde, в Коране написано? «И самая лучшая из них – змея». И Чехов предупреждал: «Бабы – бич божий». На что уж Цветаева – Марина, а и та прямо, не взирая, заявила: «Бабы- дрянный народ». Уже не буду напоминать Маяковского, Шопенгауэра, даже Ницше, который будто был сумасшедшим, но Заратустра у него говорил вполне здраво: – Идешь к женщине, возьми с собою плётку. – Стенографисту:

– Mein Herz, Вы успеваете?.. Продолжаю. Записывайте... На телевидении – женские детективы и «лечащие» врачи... В интернете? Масса женских клубов. Meine Herrschaften, этим Зелёным Драконам вечно «не хватает: зимою – лета, осенью – весны», как забитого платяного шкафа, у которого они плачут: «Опять нечего надеть». Смотрят на нас перед ими же назначенным свиданием из-за угла – как он там, этот несчастный, которому «только одно надо»? А нам, между прочим, не только «одно», мы ещё и есть хотим, и какая-то странная привычка образовалась, kameraden, – каждый день. Вы все конечно помните, genossin, как Василиса Премудрая отметила это в своём докладе на сессии Генеральной ассамблеи ООН в связи с Международным женским днём. Вот случайно попала в интернете фотография... Совсем не в том смысле... И такие фильмы только несколько раз смотрел – с познавательной целью: замуж они там выйдут, в конце концов? Завалили интернет кошечками, самими себя и сообщениями о покупках «эксклюзивно-гламурного» нижнего белья. Зачем они таким образом предъявляют себя прогрессивному человечеству? Женщины дают понять, но не всегда дают исполнить. Они необязательны, непоследовательны и меркантильны. Об этом ещё Губерман говорил:

Какие дамы нам не раз

шептали: – Дорогой!

Конечно, да! Но не сейчас,

не здесь и не с тобой!

Они вообще делят нас – пленников женских форм на две категории: которые не нужны им и которым нужны они. А стоит нам по наивности поверить их предвыборным декларациям, как они тут же: – За руку брал? Брал – женись. Вы понимаете – о чём я. А сайты знакомств? Что они там пишут. Вот один случай. Профессорка пишет о себе и всех других дочерях Евы: – Милые красавицы! Неиссякаемый источник восхищения и вдохновения! От них не уклониться. Любая царства стоит. Мужьям порой прощают загулы и запои. В любви краёв не знают. И до глубокой старости они во сне летают и т.п. Как упомянутые предвыборные обещания: готовлю вкусно, говорю мало, голова не болит. Честный, но откровенный Мюнхгаузен видит насквозь и даже глубже этих дочерей Евы, Ксантипп – по Роттердамскому и девушек с «маленькой штучкой» – по Бендеру, которая так привлекательна для мужского населения – по Мопассану... И это не только моё скромное мнение, вот пример. Барышня дала о себе объявление согласно правилам русской грамматики: «уж, замуж, невтерпёж», в стремлении к обеспеченности за границей. Нашёлся – араб, из Франции. И мама барышни озабочилась обрезанием. Не о том думать надо. Их дети во время войны будут призваны стрелять в папу своей мамы – своего дедушку, а может и в маму своей мамы (a la guerre comme a la guerre – Франция член НАТО)... Скажу, кстати, о другом, как русский ротмистр – почему не принимали женщин в армию – они неправильно исполняли команду «Ложись». Они нелогичны (вы же знаете, друзья, эту женскую классику: – Муж мне изменяет, и я не знаю – от кого у меня дети). Вот вам фотография девицы – за ГМО агитирует. Сама как ГМО. Специально принёс. Ноги спрятаны платьем в пол – может кривые? Was ist das? Ни за что не догадаетесь, а я сообразил... Кто это сказал «опять»? Господа, трезвый, как стёклышко. Эта «белая лебедь» танцует свою хабанеру. Вверх ногами, но платье не падает ей на голову – она просто перевернула фото при воспроизведении. Кстати о платьях. Что они вытворяют, господа. Прошло каких-то 200 лет или около того, и они, которых товарищ Саахов назвал: «другом человека», в своём соблазнении нас перешли Рубикон: от кринолина до шотландских юбочек. Платья? Это же ночные сорочки на шпигатиках. Хитрые «друзья человека», хотя хитрость – ум дураков, знают, как охмурить – мы же глазами... Бывает им надо что-то застегнуть. Вот представьте, друзья мои, если у меня расстёгнута пуговица на камзоле – кому это интересно? А если пуговичка – на

женской блузке?.. А если не одна?.. А если не только на блузке?.. А если вдруг этому «другу человека» надо что-то поправить в сбруе – entschuldigung – в одежде? Это же, готт мит унс... Тэк-с, кто оприходовал моё рейнское, пока я говорил? Я? Когда ж я успел? Кельнер. Стой, ты кому столько льёшь? Мне? А, ну тогда плесни ещё. Danke sehr. Господа, все вы знаете, что в 1744 году я командовал отрядом, встречавшим в Риге невесту Петра Третьего – будущую Екатерину Великую. Но, возможно, не знаете, что она поцеловала меня... Я не так уж красив, но в кирасе чертовски привлекателен... А Фике уже тогда знала, что Мюнхгаузен – он такой один, как Тиньков. И это правда – нечего ухмыляться. Вы же не можете не доверять вкусу Екатерины Великой – она знала толк в мужчинах... Так вот. Привлекательны для мужчины не женщины, но женские формы. Знаете ли вы, что это такое? Нет, вы не знаете, что это такое. Прочитую Владимира нашего Маяковского: – Ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское. «Женские формы» – это сферы наслаждения... А? Ну да, данке, – полусферы. Это, господа, полусферы, но не какая-нибудь там геометрия – это совершенство... Кельнер. В космосе – планеты и звёзды – шары... А во Франции, например, первые бокалы появились по форме и объёму груди королевы Марии-Антуанетты – жены Людовика 16-го. Михаил Светлов написал об этом:

Двух бокалов, влюблённых звон

Тушит музыка менуэта.

Это празднует Трианон

День Марии-Антуанетты.

Ну, чем они оба кончили – не буду отвлекаться от новогоднего... О чём я... Нет, о рейнском-то я как раз всегда помню – оно же, как женщина, пьянит и зовёт... Ага, – о женщинах, т.е. женских формах и почему не женщина, но её формы. Следите за мыслью, господа. Они, формы действуют на мужчин умиротворяюще. До потери сознательности. Что? Ну да – и до потери сознания. Господа, поднимая этот бокал, провозглашаю здравицу женским формам. Поздравляю всех с наступающим контрольным Новым годом, который вскоре станет ещё и годом Красного Дракона (опять нет повода не выпить). А что сулит нам животное этого года? Если вам надо подвижного ребёнка с задатками гения, ваша девушка срочно должна начать беременеть. Дети, рождённые в этом году, отличаются умом и сообразительностью. Около 60% гениев рождены в аналогичные годы. Посмотрите на меня... Зелёный Дракон в первую очередь это женский год (потому что дракон – это ж почти змея). Поэтому всем женщинам стоит обратить внимание на состояние души и тела. Это позволит избежать множества проблем, которые могут подстергать в этом году. Помимо этого, в год Дракона повышается шанс успешного зачатия, беременности и рождения ребёнка. Год будет щедрым на романтику и интересные знакомства. Одним удастся завязать серьёзные отношения, другие окажутся в центре головокружительного романа. Всем, кто мечтает о любимом человеке, можно сказать повезло... Ими будет управлять Дракон – животное романтическое, общительное, склонное к новым знакомствам, контактам с противоположным полом, он поможет заинтересованным в решении их любовных задач. Итак, – за женские формы. Пьём. Будьте. И живите. Прозит.

Спич Мюнхгаузена многократно прерывался аплодисментами, которые он из скромности пытался остановить поднятой рукой, но они только усиливались... В конце спича произошли громкие рукоплескания, переходящие в овацию. Хрустальные подвески люстры пришли в движение, как будто солидаризируясь с присутствующими в их восторгах, которые всё нарастали – до такой степени, что люстра начала раскачиваться, а свечи – подмигивать, посуда в шкафах – дребезжать и подпрыгивать, столы – двигаться, громадная зала монолитного здания

трактира – гудеть ... Всех присутствующих – в том числе стенографиста и собак – охватили неизъяснимые экстаз, эйфория и катарсис. Все встали, и даже – собаки. Раздались многоголосые крики: «Ура», «Браво», «Многая лета», «Гром победы раздавайся», «Мюнхгаузена – в канцлеры» (все – на немецком). Собаки залаяли и завyli (разумеется, тоже на немецком)... Оркестр на антресолях давно громыхал ораторией Свиридова на слова Маяковского: «Во весь голос», но его невозможно было расслышать за шумом всеобщего счастья и веселья, как присутствующих в трактире, так и присоединившихся к ним миллионов жителей по всей Земле и на Луне, которые со слезами умиления на глазах слушали спич Мюнхгаузена в прямом эфире: по радио, телевидению и в интернете... В общем, как напишет потом некий А.С. Пушкин, ставший известным и знаменитым поэтом, но прославившийся благодаря исключительно одной прозаической фразе в повести: «Капитанская дочка» в связи со спичем Мюнхгаузена и вселенской реакцией на него:

Сделалась метель.

И в завершение темы Комдив разразился логичным новогодним лозунгом, который также отправил Закруткину.

Логичный новогодний лозунг

Господи мой Боже,

зеленоглазый мой!

дай же ты каждому,

чего у него нет...

дай всем понемногу...

И не забудь про меня.

(Б.Ш.Окуджава. «Молитва»)

31-го декабря, в предстоящий год Красного Дракона под бой курантов и бокалов закричат: – С Новым годом, с новым счастьем, с новым здоровьем... Повсеместно, традиционно. Однако, если посмотреть на этот лозунг вооружённым глазом, то можно увидеть не только

«одну звёздочку» (после «Карнавальной ночи» известно, что «лучше, конечно, пять звёздочек»). Значит, предыдущие «счастья» были не то? К тому же, счастье – это не вечность – очевидно и не вооружённым глазом. Что это за пожелание?... А – здоровья? Людям, которые пьют, едят, поют и пляшут? Желать здоровья следует больным. С Новым годом – это последовательность, оправданная календарём. Но чему ж тут радоваться – будто это мы сделали себе подарок? «Замечательное» в подарке только то, что «вот и стали мы на год взрослей». И – к пожеланию (как говорил Чиа Дао ду: – Резко врезать и резко закусить). Пусть наше останется с нами. (Новые годы приходят и уходят, а мы остаёмся пока). И не надо много денег. Пусть будет достаточно. Пусть наше останется с нами, «и никаких гвоздей, вот лозунг мой...».

Кстати, сочинял Комдив не всегда один, иногда в соавторстве с Закруткиным – они же оба были аборигенами клуба «Сермяжная правда». Но, как сказал Борис Бабочкин в образе Чапаева: «хуже, Петька, хуже». Например, упомянутая в халате, написала отзыв на один из его рассказов. Она предложила заменить местоимение «он» на «я», хотя именно это и не нравилось Василь Ивановичу – не потому, что буква была последней в алфавите, а наоборот, она казалась ему категорически нескромной. Надо пояснить, что, кроме работы, дававшей ему хлеб насущный, он иногда поддавался соблазну авторства и забрасывал свои бессмертные литературности в терпеливый интернет. Это было для него, как передохнуть (ударение на «у»). Случалось и Закруткин (о нём ниже) печатался, однако его статьи публиковались в научно-производственной «Промышленной энергетике», и он получал даже гонорары. Конечно, оба они были дилетантами, как и другие в «Сермяжной правде», хотя в членах состояли и несколько профессионалов, в т.ч. Клеопатра Львовна Шумская, назначенная там «классной дамой», и другие – не для плагиата непосредственно, а леньясь читать выходящие аperiodически альманахи клуба, но какую-то корысть возможно получали или сравнивали. Типография издательства печатала и клубные произведения малыми тиражами: в библиотеки издательства и самого клуба – бесплатно и по заказу всем желающим – уже с оплатой по преysкуранту. Можно добавить, что самые романические мыслеобразы рождались у Комдива, не всегда в позе «Мыслителя», а обычно в горизонтальном положении. И прецеденты были: говорят, Флобер вдохновлялся запахом прелых яблок, и Россини сочинял лёжа... (Возможно, похожее было и у Закруткина, который из-за падения сердечного верхнего давления и удара электрическим током несколько раз падал, ударяясь головой. А до этого, в восьмом классе школы директор Бахтин Василий Тихонович как-то сказал по его поводу: «Умная голова, но дураку дана». Директор, конечно, не Чиа Дао ду, но позже Закруткин встретил такую же фразу у Шолохова по поводу Валетки, кажется, в «Донских рассказах»). И немислимый мыслительный процесс уносил обоих в такие эмпирии, что они казались себе не то, что уж прямо-таки, но категорически. Через несколько дней, к Комдиву в горизонтальном положении, прошмыгнул ещё один мыслеобраз: «Десятишиповое отступление», никак, впрочем, не связанный с предыдущими. Кстати можно добавить к характеристике Комдива из аннотации к «Фрейд» Ж-П.Сартра: «Он набрасывает основы некой другой литературы, освобождённой от образа и иконы».

Десятишиповое отступление

Если вообще: «история ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет», то, здесь она «опрокинута» в будущее. Весна есть весна. Весна – это утро года, лучшее его время в средней полосе России. Лучшее время весной – это майское утро. Английский художник-сюрреалист и писатель Десмонд Моррис, защитивший диссертацию «Репродуктивное поведение десятишиповой колюшки» и получивший за неё степень доктора наук, издал несколько книг, в т.ч. «Голая женщина». Во Введении автор предупредил любопытных читателей: «Эту книгу можно назвать путеводителем по женскому телу. Это отнюдь не медицинский труд и не лабораторный анализ психолога, а зоологический портрет, прославляю-

ций женщин такими, какими они являются в реальный мир, в их естественной среде. Каждая женщина обладает прекрасным телом – прекрасным, поскольку в нём воплотился блестящий итог миллионов лет эволюции. За этот период оно подверглось поразительным корректировкам и тонким усовершенствованиям, благодаря чему стало самым замечательным организмом на планете. Тем не менее в разные эпохи и в разных уголках мира женщины пытались ещё более усовершенствовать своё тело с помощью тысячи различных способов. Некоторые из этих ухищрений вызывали приятные ощущения, некоторые причиняли боль, но цель у них была одна – сделать женское тело ещё красивее».

Надо напомнить, что, во-первых, сказал о Десмонде Чиа Дао ду: «Всё знают все, один человек всё знать не может», во-вторых, Десмонд – зоолог и, в третьих, женщина несколько отличается от «десятишиповой колючки», но это не относится к её «репродуктивному поведению». В романе французской писательницы Франсуазы Саган описаны эпизоды взаимоотношений женщины и мужчины в их восприятии и представлении – отдельно. За 10 лет до смерти Саган от лёгочной эмболии в 2004 году газета «Известия» опубликовала очерк Юрия Коваленко под названием фразы писательницы: «Я обожаю делать глупости». Прославившись в 19 лет своим первым романом, за который получила 5 миллионов франков от издателя, Франсуаза Саган впоследствии рассказывала: «Я пишу инстинктивно, как живу или дышу. Не стремлюсь к какой-то литературной новизне или смелости». И оценила свои способности так: «Пруст – гений, а я – талант... Большой, чем принято думать, больший, чем у девяти десятых пишущих людей». В 1972 году на экраны вышел польский фильм «Анатомия любви». О психологии взаимоотношений женщины и мужчины, которые меняются местами от равнодушия к ревности. Менее известен индусский трактат об «образах любви» – «Ветки персика», более – «Кама сутра» (полное название: «Наставление о каме, принадлежащее Ватьсьяне»),

индийского философа и учёного, аскета-молчальника Малланаги Ватьсьяяны. «Ветки» – это 15-16, «Кама» – 3-4 в.н.э. В массовой культуре более обращено внимания на раздел о сексуальных позах. «Кама сутра» называет секс «божественным единением». Ватьсьяяна полагал, что в сексе нет ничего предосудительного, но сочетаться в нём легкомысленно – грешно. Значительная часть текстов произведений посвящена общей философии и психологии взаимоотношений, наставлениям по ухаживанию, жизни в браке, внебрачным отношениям. Говорится о том, как быть хорошим гражданином, о взаимоотношении мужчин и женщин. Так Кама сутра в обложке с драконом, как символом, состоит из 800 стихов, расположенных в семи разделах:

1. Общий (5 глав) – о любви вообще и – в жизни человека.

2. О любовном соединении (15 глав) – анализ поцелуев, предварительных ласк, оргазма, сексуальные позы, оральный секс, парафилия и ситуации треугольника (семьи втроём – муж, жена и любовница мужа).

3. Об обращении с девушками (9 глав) – ухаживание и свадьба.

4. О замужних (8 глав) – об отношениях в семье, о поведении жён.

5. О чужих жёнах (10 глав) – об оболыщении.

6. О гетерах (9 глав).

7. Наставление (6 глав) – очарование окружающих и восстановление влечения.

В «Ветках персика», кроме описания поз и разделов, похожих на предыдущее, говорится следующее:

«Желающий жить имеет три цели: Познание, Любовь и Стяжание богатства. Первая часть жизни посвящена познанию. Вторая часть жизни посвящается любви. Третья часть посвящается стяжанию богатства. Три источника имеют влечения человека: Душа, Разум и Тело. Влечение души порождает дружбу. Влечение ума порождает уважение. Влечение тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь. Каковы наслаждения любви? Два наслаждения души – причинение и терпение. Два наслаждения разума – влечение и отдавание. Три наслаждения тела – касание, трение и всасывание. Три дополняющих наслаждения – вкус, запах и цвет. Каково состояние, ведущее к любви? Напряжение и страсть. Каково состояние производимое любовью? Облегчение и нежность».

Почему девушке уже со школьной скамьи (согласно правилам русской грамматики) – «уж, замуж, невтерпёж», а мужское население соглашается соответствовать этому правилу по достижению возраста своего «влечения» (хотя специалисты-акушеры утверждают, что у некоторых мальчиков при рождении есть признак этого «влечения» – эрекция)? Зачем и почему женщина и мужчина женятся? Чиа Дао ду в своё время сообщил, что «человек – животное пАрное», а много позже Иммануил Кант добавил: «Человек – это женщина и мужчина вместе». Из этого последнего философского посыла следует, что в каждом мужчине присутствует женщина. Впрочем, Чехов интерпретировал это по другому: «Мужчина состоит из мужа и чина». Сколько людей – столько образов, в т.ч. «образов любви» – проекций самого понятия на мозг, психику, это как иконы с образом бога. Над этим мнением некоторые замужние девы, состоящие в интимной связи с интернетом, посмеялись, о чём рассказал Атос (к нему ещё вернёмся)

– муж одной из них. А Чиа Дао ду на вопрос: «Зачем люди женятся?», сказал: «Чтобы вместе тянуть жизненную лямку»... Телеведущая (с фамилией по второму замужеству) в прекрасном тёмном брючном костюме, на «шпильках» в студии, белой как операционная, задавала вопросы одному из замечательных актёров советского кино о нём самом и его отце – тоже актёре. Вот что первый сказал – не дословно, но по смыслу: – Любовь – вещь односторонняя и она не вечна. Это стало повторением Мольера: *De toutes les choses eternelles, l'amour dure le plus court* и Вишневского: «Из всего вечного самый короткий срок у любви». И в тоже время – это совсем не то, что раздевшаяся для Распутина, лежащая перед ним голая красавица, как холодная лягушка – молодая жена последнего из рода Юсуповых, с точёной фигурой мраморного тела, как у бесплотной Галатеи. От неё отказался вдруг Распутин, хотя требовал её от князя. Вождение Распутина что-то остановило. Конечно, по унаследованному от Адама, инстинкту, мужчина смотрит «с вождением» и на одетую женщину, как сказал Аркадий Варламович в «Покровских воротах. Но человеческая психология впереди физиологии к «другу человека» по определению женщины заврайкомхозом товарищем Сааховым в «Кавказской пленнице». Именно психология остановила физиологию Распутина перед готовой к соитию великой княжной – племянницей императора – ослепительной Ириной. Психологичный Вишневский согласен, что женщина для мужчины – это само по себе уже афродизиак. Но женская психология – это сублимация иждивенчества, «Мне было приятно и интересно с Вами переписываться» – написала одна из них. Вот что девочке «надо, кроме шоколада», как римскому плебсу – «зрелищ». По Вишневскому мужчина парадоксален в своём «образе любви» к той, что выбрала его: «... так отчаянно тоскую по тебе, что мне хочется плакать». В отвергаемой некоторыми идее «образа любви», обязательно присутствует физиологическое чувство (либидо, желание). Наблюдательный Вишневский пишет также о «современном развитии типографского дела»: «В Интернете каждый хочет найти кого-то красивого, обворожительного, парадоксального, не похожего на других, незаурядного человека. То есть такого же, как он сам. А если при этом он ещё чувствует себя одиноким, то идёт на такую встречу в Интернете, как на свидание с членом элитарного клуба или общества красивых людей». «Но дружба – продолжил размышление указанный выше актёр – не такова, как любовь». Дружба может закончиться только смертью или предательством (предает друг, потому, кстати, невозможна дружба женщины и мужчины – это противоестественно для обоих, при этом в подоплёке имеет место очередной «образ любви»). Живут мужчины меньше, чем женщины, потому как выше организованы, более ранимы, их психология тоньше, болезненнее восприятие действительности. Вообще у них: «жизнь по преимуществу печальна, а потом сразу умираешь»...

Случайно и по совпадению Комдив и Закруткин были знакомы давно. Случайно потому, что по Гегелю, которого Василь Иванович уважал, как диалектика, случайность – это проявление и дополнение необходимости, а по совпадению – совсем без Гегеля, но диалектично – оба обрелись в одном доме и в одном подъезде. Вместе с тем, обоих вместе или порознь можно было застукать возле мусорных баков и несанкционированных свалок (как других советских недотёп, не подготовленных благословенными эльцинами-гайдарами-чубайсами к «капитализму с человеческим лицом», и брошенных из-за «общечеловеческих ценностей» ворошить те же баки и на панель, в поисках хлеба насущного), где можно было пожить выброшенными книгами – такова уж се ля ви книг (хотя оба не бедствовали, зато не могли бескорыстно пройти мимо выброшенных книжных сокровищ)... Так они заметили и приволокли в свои домашние библиотеки: «Аналитики» Аристотеля 1952 года издания с портретом кудрявого автора (каковыми были почему-то все древние писатели), с усами и бородой (как Закруткин) и удивлённо-весёлым сфумато – почти как у Джоконды – под папиросной бумагой, пятый том профессора Зуева 1927 года, «Краткий курс истории ВКП(б)» 1945 года (пришлось подклеивать), «Антидюринг» 1953 года и др., подобранные Комдивом из выброшенного, а вторым собираете-

лем – из брошенных по разрухе медкабинета и спальни на месте его прежней работы: «Внутренние болезни» 1957 года, разместившиеся в советское время аж в десяти огромных томах в тяжёлых синих переплётах, но при отсутствующем десятом, восполненным «Справочником практического врача» и даже Лазаря Лагина, не со «Стариком Хоттабычем» (хотя и эта книга у Закруткина была, забытая школьной подружкой), а с «Атавия Проксима». Именно на книжном фанатизме знакомство продолжилось и со временем переросло в дружеские отношения – с тем сумасшедшим уклоном, что Комдив очень хотел тоже запечатлеть себя, как автора печатных книг, соблазняя товарища по увлечению на соавторство, мотивируя эту авантюру цитатой своего тёзки, тоже комдива, но настоящего: «Мы же академиев не проходили, мы их не закончили» (хотя на самом деле Василь Иваныч был замечательно самообразован и мог дать фору любому своему учёному ровеснику). Они оба участвовали в литобъединении «Сермяжная правда», которое благоденствовало в Доме писателя. Там Комдив обратил на себя внимание не только «Вешних вод», но всего Дома писателя, кафе-магазина и Клеопатры Шумской, провокационным «эссеизмом» мелодрамы о «девушках» гения. Эту книгу подарила Комдиву особа женского пола.

Мыслеобразы Комдива по поводу мелодрамы

Проникнувшись обилием интервью писательницы, Комдив решил обратиться к ней письменно. И что удивительно, она ответила (несмотря на свою загруженность редактированием мужского журнала). Переписка получилась краткой, как «сестра таланта», сутью её оказался вопрос (но Чиа Дао ду предупреждал: «Если не хотите, чтобы вас обманули, не задавайте вопросов»). Об этом катаклизме с реакцией писательницы и первом соитии балерины, рассказано в Главе «Эссе».

Отступление в историю

Василь Иваныч как-то откопал – буквально, по его чистосердечному признанию – нечто. Бульдозерами освобождали от частных домов на слом территорию под строительство очередного торгово-развлекательного центра «Де-Жанейро», хотя город был уже заставлен такими «Бразилиями», где много, много обезьян. В обеденный перерыв, задумчиво бродя по результатам своей геростратовской деятельности и жуя бутерброды – размером с буханку, Комдив споткнулся обо что-то. Остановился, пнул сапогом. Это оказался коричневый ящичек с замком-защёлкой, как будто из стула мастера Брамса, напомнив бессмертное произведение Ильфа и Петрова. Заинтересовавшись, Комдив присел и вытащил «Брамса» из-под обломков прошлой жизни. Ящик местами был изъеден мышами и временем – надо полагать, пребывая на чердаке одного из разрушенных домов, переходя вместе с домом от одних хозяев к другим. Комдив тут же определил, что ящик не пустой – там что-то погромыхивало, он стёр рукавицей слой мусора и пыли с крышки и, чихнув, открыл. Внутри в замшевом чёрном мешочке не оказалось бриллиантов (прошу прощенья у тех, кто их ожидал), там был диск, переливающийся на солнце всеми цветами радуги. Как это ни противоречило железному лозунгу на бульдозере, Комдив был любопытным завсегдатаем книжных развалов, и шкафы его большой домашней библиотеки ломались не только от технической литературы, но и беллетристики, в т.ч. классики – отечественной и зарубежной. Вернувшись с находкой к своему кормильцу, заинтригованный, он осторожно своими «клешнями» вложил ящичек в полиэтиленовый пакет от тормозка и аккуратно опустил в карман чехла позади спинки сиденья. Едва дождавшись конца светового дня, Василий бегом поставил бульдозер под навес строительной площадки, забрал пакет, свистнул охране, втиснулся кое-как в свою неубиваемую «копейку» и, с вождением поглядывая на пакет на соседнем сиденье, помчался домой, не заезжая в гараж. Подъехав в сумерках к дому и оставив машину во дворе, он поднялся к себе, положил свёрток на кухонный диван, а сам полез в душ. Покончив со смыванием пыли и пота, достал из пакета ящик,

оттуда – мешочек, из него – диск, протёр осторожно салфеткой и оставил пока, прислонив к ящику. Потом перекусил яичницей на помидорах с колбасой, запивая приготовленным заранее, согласно телепрограмме к футбольному матчу (хоккей он не смотрел, т.к. не успевал взглядом за маленькой шайбой), попил чайку и одновременно, дрожащими от волнения пальцами громадной пятерни с трудовыми мозолями, кое-как вставил диск в дисковод своего ноутбука. Уже беглое знакомство с содержанием задержало не только его внимание, но, пожалуй, остановило бы и его бульдозер, несмотря на железный лозунг. Комдив отказался от соответствующего пива, лицезрения по телевидению, как «22 бугая» катают по полю один мяч, и озадаченно приступил к подробному чтению. Текст на диске сохранился, несмотря на мышинное варварство и происки времени. Василий читал до первых петухов, увлекаясь и удивляясь. Иногда всё-таки прикладывался – из-за пересыхающей гортани – к баклажке с пивом. Чуть не опоздал на работу. Учитывая содержание прочитанного, пытался было поискать возможных хозяев найденного «клада», но, как говорится, – «иных уж нет, а те далече». Дело печальное и обычное: старшие поумирали (может они и были теми хозяевами или даже авторами текста на диске), а молодёжь поразъехалась – домик был забыт, как старый слуга Фирс в «Вишневом саде», а о ящике, может быть, «наследники» и не подозревали. Вспомнив, Василь Иваныч, зайдя по соседски к Закруткину, предложил предать гласности случайность, как в своё время Максим Максимыч в «Герое нашего времени». Закруткин, приняв с интересом это «рационализаторское предложение», совместно с инициатором придумал название, изменили имена и некоторые ситуации, что-то удалили, кое-что добавили. Таким образом, вещь приобрела отдельную от оригинала не авторизованную самостоятельность. К слову сказать, название книги было обусловлено тем, что всё, созданное человечеством, а может быть и бог, является результатом *сублимации* – под этим названием книжка и была опубликована впоследствии.

1.3. Клеопатра Львовна Шумская и Суламифь

Пути Господни неисповедимы.

(Библия. Посл. к Рим. 11:33)

Шумская – «дама, приятная во всех отношениях», несколько старше тургеневского возраста (Чиа Дао ду говорил, что возраст женщины можно определить по длине каблука её туфель – увидим в Главе «Фарфоровая чашечка»), светлая шатенка с серыми внимательными глазами – вовремя, как говорят специалисты, защитила диссертацию – в 28 лет, знала несколько языков – разумеется, кроме русского, побывала за границей и замужем, работала редактором в издательстве «Вешние воды», курировала «Сермяжную правду», читала лекции в местном университете – «преподавала», как шутили весёлые студенты, была хороша лицом и стройна телом, продуманно одевалась и чувствовала на себе внимание не только ректора университета. В то же время, это современный образ Веры из «Героя нашего времени», за которой мчался, загнав коня, Печорин, как за недостижимой и замечательной мечтой. А в русских сказках Шумская – Елена Прекрасная и Елена Премудрая «в одном флаконе», у неё один, пожалуй, недостаток – она не мужчина, и потому имеет особенности, присущие дочерям Евы – это и замечательно. Как показало время, которое никого не лечит (по мнению Чиа Дао ду), в просвещённой и независимой Клеопатре стала накапливаться «критическая масса» тёплого отношения к Комдиву, даже отчасти к его профессиональному «парфюму», на который клонет и столичная гостья (об этом – в Главе «Делегация столицы»). Как-то Шумская задержалась в издательстве, когда другие работники уже ушли. Внизу ещё работало кафе и занял место у входа ночной дежурный. Шумская закрывала дверь кабинета, и здесь же, как рояль в кустах, оказался Василь Иванович. Он молча зажал Клеопатру в угол, крепко обнял, что она не смогла свободно вдохнуть и поцеловал. Кто-то опять скажет: это цинично и натуралистично. Ну что же делать – бывает, Комдив даже написал с Закруткиным рассказ по мотивам. А Шумская инстинктивно выпалила, как того велит традиция:

– Вы что?.. – Но к выходу они спустились практически рядом – лестница-то одна. Выйдя, пошли к своим машинам: она – здесь же, на Тургенева, у входа в издательство – льгота, он – перпендикулярно, на Салтыкова-Щедрина.

– Василь Иванович, – позвала Шумская, что стало неожиданностью для Комдива, – подойдите, пожалуйста. – Он с опаской вернулся. – Ближе. Ещё ближе... Ладно, ступайте. – С сожалением махнула рукой Шумская. – Спокойной ночи...

– Спокойной ночи... – Ответил Комдив. Они сели в свои машины и поехали домой – каждый к себе. Хотя казалось бы по сюжету Шумской следовало бы обнять посягнувшего Комдива, а Комдиву – прочувствовать и повторить свой демарш, третий раз – контрольно в лоб, но: улица Тургенева, отсвет окон кафе и свет стилизованных фонарей. А дальше? «Будем посмотреть» – пообещал Чиа Дао ду.

Шумская прочитала, присланную на почту, компиляцию Комдива «Суламифь», прониклась, забыв о некотором присущем автору цинизме и железном лозунге, но не рекомендовала к публикации – хотя бы и с иллюстрацией Natha Truneva – русской художницы, живущей во Франции, из-за большого объёма цитирования, создающего впечатление пересказа. Но в Главе «Сон» и в связи рассказано о Шумской в гостях у Комдива, нападении Дракоши и последовавшем «образе любви».

«Суламифь»

Суета сует и томление духа...

(Библия. «Книга Экклезиаста. 1:2, 1:14»)

Всё проходит...

(Соломон)

Некоторые не понимают природной одарённости, лошадиной трудоспособности и неистребимого любопытства и желания испытать всё на себе, Куприна. И во мне просыпается иногда желание почувствовать, как того хотел, милый сердцу, часто пьющий Куприн («Если истина в вине, Сколько истин в Куприне»). Вот что писал он о своих желаниях: «Я бы хотел на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой, или побыть женщиной и испытать роды...» и «Господи, почему и мне не побыть ямщиком. Ну хоть не на всю жизнь, а так, года на два, на три. Изумительная жизнь!».

«Образ любви» – царский, ветхозаветный, возможно, недостижимый и непостижимый. Замечательный русский писатель Александр Иванович Куприн, как Иван Поддубный, Иван Заикин, Владимир Гиляровский – в беллетристике и жизни...

Положи мя яко печать на сердце твоём,

яко печать на мышце твоей:

зане крепка яко смерть любовь,

жестока яко смерть ревность:

стрелы её – стрелы огненные.

(А.И.Куприн. «Суламифь»)

В 1909 году Академия Наук присудила Куприну – вместе с И.А.Буниным – Пушкинскую премию. (Тогда – это Академия Менделеева, Мечникова, Толстого, Короленко, Стасова, Горького – его членство было отменено Николаем Вторым, Чехова...). Но что такое Бунин по сравнению с Куприным – эстетствующий барин, бывший сотрудник «Орловского вестника» и лауреат Нобелевской премии по литературе?.. Назначенец Нобелевской по политическому соображению, так же, как Пастернак, Солженицын. Что написал так и не окончивший гимназию Бунин: незаконченный автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» (в котором автор с симпатией и грустью сочувственно пишет о поколении помещиков из культурного дворянства, о старых господах), рассказы о несчастной и трагической любви: «Митина любовь», «Тёмные аллеи», преувеличенный «Солнечный удар», злопыхательские, «закусившего удила филлистера», «Окаянные дни», перевод двадцати двух главной, со вступлением и эпилогом «Песни о Гайавате», ностальгические «Антоновские яблоки»... Горький так отзывался о творчестве периода рассказов Бунина (до революции 1905г.): «Не понимаю, как талант свой красивый, – как матовое серебро, он не отточит в нож и не воткнёт им куда надо». Лев Толстой пишет о Куприне: «Я самым талантливым из нынешних писателей считаю Куприна. Куприн – настоящий художник, громадный талант. Поднимает вопросы жизни более глубокие, чем у его собратьев». Бунин умер в Париже 8 ноября (на следующий день годовщины революции, не принятой им – «...отмщение и аз воздам...» (к Римл. 19:21) в 1953г.

Справедливости ради надо отметить один абзац в «Жизни Арсеньева» («Юность», книга первая, третий абзац), который может показать Бунина, как писателя: «У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своём возрасте, – тем более, что я ещё совсем не ощущаю его бремени, – и, значит, был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть. Не рождаемся ли мы с чувством смерти?». Куприн также был в эмиграции – почти одновременно с Буниным – осенью 1919 года он «перешёл советскую границу и стал эмигрантом», но через 18 лет, в 1937 году вернулся в Россию. «Эмигрантская жизнь – писал Куприн из Парижа – вконец изжевала меня и приплюснула дух мой к земле. Нет, не жить мне в Европах!.. Чем дальше я отхожу во времени от родины, тем болезненнее о ней скучаю... Знаете ли, чего мне не хватает? Это двух-трёх минут разговора с половым из Любимовского уезда, с зарайским извозчиком, с тульским банщиком, с владимирским плотником, с мешчерским каменщиком. Я изнемогаю без русского языка...». Бунин вспоминал: «Я как-то встретил его (в Париже) на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он... плёлся такой худенький, слабенький, что казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слёзы навернулись на глаза». Безысходная бедность. Куприн добавлял: «Сейчас мои дела рогожные... какой это тяжкий труд, какое унижение, какая горечь, писать ради насущного хлеба, ради пары танов, пачки папирос... Всё, всё дорожает. Зато писательский труд дешевлеет не по дням, а по часам. Издатели беспощадно снижают наши гонорары, публика же не покупает книг и совсем перестаёт читать». Когда в 1957 году, по прошествии 19 лет после смерти автора, Гослитиздат выпустил шеститомное собрание сочинений Куприна тиражом 550 тысяч экземпляров – читатели расхватили их в несколько дней. Горький не однажды негативно высказывался о «Суламифи» Куприна, однако, Воровский относился к ней иначе, в статье о Куприне он писал, что повесть – «гимн женской красоте и молодости».

1

«Царь Соломон не достиг ещё среднего возраста – сорока пяти лет, – а слава о его мудрости и красоте, о великолепии его жизни и пышности его двора распространилась далеко за пределами Палестины. Соломон предпринял постройку храма господня и дворца в Иерусалиме. Более сотни тысяч рабочих заняты на грандиозных стройках. Через 7 лет завершён храм и через 13 – дворец царя. Масса дорогих материалов, золота, слоновой кости, железа, мрамора, кожи, драгоценных пород дерева, благовонных масел, духов и ароматных курений – подарок царицы Савской пошло на неслыханную роскошь дворца и храм, а также на дворец жены царя – Астис. Каменные бани, обложенные порфиром, мраморные водоёмы и прохладные фонтаны устроил царь из горных источников, низвергавшихся в Кедронский поток, а вокруг дворца насадил сады и рощи и развёл виноградник в Ваал-Гамоне».

2

«Семьсот жён было у царя и триста наложниц, не считая рабынь и танцовщиц. И всех их очаровывал своей любовью Соломон, потому что бог дал ему такую неиссякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенных. Также разделял он ложе с царицей Савской, превзошедшей всех женщин в мире красотой, мудростью, богатством и разнообразием искусства в страсти; и с Ависагой-сунамитяжкой, согревавшей старость царя Давида... На указательном пальце левой руки носил Соломон гемму из кроваво-красного астерикса, извергавшего из себя шесть лучей жемчужного цвета. Много сотен лет было этому кольцу, и на оборотной стороне его камня вырезана была надпись на языке древнего, исчезнувшего народа: «Всё проходит».

3

«Три тысячи притчей сочинил Соломон и тысячу и пять песней. «Слово – искра в движении сердца», – так говорил царь. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян. Изучил царь учения... и убедился, что знания их были знаниями человеческими. Ничего не находил царь в обрядах языческих, кроме пьянства, ночных оргий, блуда, кровосмешения и противоестественных страстей, и в догматах их видел суесловие и обман. И увидел он в своих исканиях, что участь сынов человеческих и участь животных одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом. И понял царь, что во многой мудрости много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь. Узнал он также, что и при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль. И однажды утром впервые продиктовал он: – Всё суета сует и томление духа, – так говорит Екклезиаст. Но тогда не знал ещё царь, что скоро пошлёт ему бог такую нежную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти».

4

«Утренний ветер дует с востока и разносит аромат цветущего винограда – тонкий аромат резеды и варёного вина. Милый женский голос, ясный и чистый, как это росистое утро, поёт где-то невдалеке за деревьями. Девушка в лёгком голубом платье ходит между рядами лоз... и поёт. Рыжие волосы её горят на солнце.

Соломон произносит голосом, ласкающим ухо:

– Девушка, покажи мне лицо твоё, дай ещё услышать твой голос.

Она быстро выпрямляется и оборачивается лицом к царю. Сильный ветер срывается в эту секунду и треплет на ней лёгкое платье и вдруг плотно облепляет его вокруг её тела и между ног. И царь на мгновение видит всю её под одеждой, как нагую, высокую и стройную в сильном расцвете тринадцати лет; видит её маленькие, круглые, крепкие груди, от которых материя лучами расходится врозь, и круглый, как чаша, девичий живот, и глубокую линию, которая разделяет её ноги снизу доверху и там расходится надвое, к выпуклым бёдрам. Она подходит ближе и смотрит на царя с трепетом и восхищением. Невыразимо прекрасно её смуглое и яркое лицо. Тяжёлые, густые тёмно-рыжие волосы упругими бесчисленными кудрями покрывают её плечи и разбегаются по спине и пламенеют, пронзённые лучами солнца, как золотой пурпур. Она стыдливо опускает глаза и сама краснеет, но под её длинными ресницами и в углах губ дрожит тайная улыбка.

– А когда ты обернулась на мой зов. И подул ветер, то я увидел под одеждой... Стань твоя... и груди твои грозди виноградные. И бёдра твои я увидел. Они стройны, как драгоценная ваза – изделие искусного художника. – Девушка слабо вскрикивает, закрывает лицо ладонями, а грудь локтями и так краснеет, что даже уши и шея становятся у неё пурпурными.

– Но зачем ты стоишь далеко от меня? Скажи мне твоё имя?

– Суламифь... Иногда я рою корни мандрагоры, похожие на маленьких человечков... Скажи, правда ли, что ягоды мандрагоры помогают в любви?

– Нет, Суламифь, в любви помогает только любовь. – Царь смеётся, тихо обнимает Суламифь, привлекает её к себе и говорит ей на ухо:

– Нет такой гордой, такой горячей груди! – Она молчит, горя от стыда и счастья. Глаза её туманятся блаженной улыбкой. Царь слышит в своей руке бурное биение её сердца. Губы её рдеют над блестящими зубами, веки дрожат от мучительного желания. Соломон прижимает жадно устами к её зовущему рту. Он чувствует пламень её губ, и скользкость её зубов, и сладкую влажность её языка, и весь горит таким нестерпимым желанием, какого он ещё никогда не знал в жизни. Так проходит минута и две.

– Что ты делаешь со мною! – слабо говорит Суламифь, закрывая глаза.

– О, иди скорее ко мне. Здесь за стеной темно и прохладно. Никто не увидит нас. Здесь мягкая зелень под кедрами.

– Нет, нет, оставь меня. Я не хочу, не могу.

– Скажи мне скорее, где ты живёшь? Сегодня ночью я приду к тебе, – говорит он быстро. Я не пущу тебя, Суламифь, пока ты не скажешь... Я хочу тебя!

– Зачем тебе это знать, милый? О, не гляди же на меня так. Взгляд твой околдовывает меня... Не целуй меня... Не целуй меня... Милый! Целуй меня ещё... – Соломон тихо гладит её волосы и щёки.

– Милый!

– Теперь прощай. Я слышу, что за мной идут.

– Прощай, возлюбленный мой... О нет, не уходи ещё. Скажи мне твоё имя, я не знаю его.

– У меня одно имя с царём. Меня зовут Соломон. Прощай. Я люблю тебя».

5

«Светел и радостен был Соломон в этот день, когда сидел он на троне в зале дома Ливанского и творил суд над людьми, приходившими к нему».

6

«Встала Суламифь с своего бедного ложа из козьей шерсти и прислушалась. Дрожа от робости, ожидания и счастья, расстегнула Суламифь свои одежды, опустила их вниз к своим ногам и, перешагнув через них, осталась среди комнаты нагая, лицом к окну, освещённая луною через переплёт решётки. Она налила густую благовонную мирру себе на плечи, на грудь, на живот...

– Это для тебя, мой милый, это для тебя, возлюбленный мой. – И вот, благоухающая миррой, легла она на своё ложе. – Песок захрустел на дворе под лёгкими шагами. И души не стало в девушке.

– Своего виноградника я не уберегла. – Время прекращает своё течение и смыкается над ними солнечным кругом. Ложе у них – зелень, кровля – кедры, стены – кипарисы. И знамя над их шатром – любовь».

8

«Семь дней прошло с того утра, когда вступила Суламифь в царский дворец. Семь дней она и царь наслаждались любовью и не могли насытиться ею. Так посетила царя Соломона – величайшего из царей и мудрейшего из мудрецов – его первая и последняя любовь. Много веков прошло с той поры. Любовь же бедной девушки из виноградника и великого царя никогда не пройдёт и не забудется, потому что крепка, как смерть, любовь, потому что каждая женщина, которая любит, – царица, потому что любовь – прекрасна!» (Когда Сталин прочёл «Девушка и смерть», он сделал надпись: «Это посильнее «Фауста» Гёте. Здесь любовь побеждает смерть». Но не так стало в «Суламифи», там «бог судил иное»: «жестока яко смерть ревность: стрелы её – стрелы огненные»).

9

«– Скажи мне, мой царь, – спросила однажды Суламифь, – не удивительно ли, что я полюбила тебя так внезапно? Чем ты так пленил меня, мой возлюбленный? – И царь, тихо склоняясь головой к нежным коленям Суламифи, ласково улыбнулся и ответил:

– Тысячи женщин до тебя, о моя прекрасная, задавали своим милым этот вопрос, и сотни веков после тебя будут спрашивать об этом своих милых. Три вещи есть в мире, непонятные для меня, и четвёртую я не постигаю: путь орла в небе, змеи на скале, корабля среди моря и путь мужчины к сердцу женщины. ...тысячи раз может любить человек, но только один раз он любит. Тьмы людей думают, что они любят, но только двум из них посылает бог любовь. И когда ты отдалась мне там, между кипарисами, под кровлей из кедров, на ложе из зелени, я от души благодарил бога, столь милостивого ко мне.

Жадно внимала ему Суламифь... И когда наступало утро, и тело Суламифи казалось пенно-розовым, и любовная усталость окружала голубыми тенями её прекрасные глаза, она говорила с нежной улыбкою:

– Освежите меня яблоками, подкрепите меня вином, ибо я изнемогаю от любви».

10

«Сегодня был седьмой день египетского месяца фаменота, посвящённый мистериям Озириса и Изиды. ... с таинственными символами богов и со священными изображениями Фаллуса. Царица Астис возлежала в маленьком потайном покое. С тех пор как Соломон охладил к царице Астис, утомлённый её необузданной чувственностью, она со всем пылом южного сладострастия и со всей яростью оскорблённой женской ревности предалась тем тайным оргиям извращённой похоти, которые входили в высший культ скопческого служения Изиде. Глаза царицы остановились долго и внимательно, с напряжённой мыслью, на красивом юношеском лице Элиава, одного из начальников царских телохранителей. Однажды, почти шутя, повинуясь минутному капризу, она заставила Элиава провести у неё целую длинную блаженную ночь. Тёмные брови царицы сдвинулись, и её зелёные длинные глаза вдруг потемнели от страшной мысли.

– Выйдите все. Хушай, ты пойдёшь и позовёшь ко мне Элиава, начальника царской стражи. Пусть он придёт один».

11

«Все части тела Озириса нашла Изида, кроме одной, священного Фаллуса, оплодотворяющего материнское чрево, созидającego новую вечную жизнь.

– Это ты, Элиав? – спросила царица юношу, который тихо вошёл в дверь. В темноте ложи он беззвучно опустился к её ногам и прижал к губам край её платья. И царица почувствовала, что он плачет от восторга, стыда и желания. Верховный жрец оставался неподвижным. В руке он держал священный жертвенный нож из эфиопского обсидиана, готовый передать его в последний страшный момент.

– Фаллус! Фаллус! Фаллус! – кричали в экстазе обезумевшие жрецы. – Где твой Фаллус, о светлый бог! Приди, оплодотвори богиню! Грудь её томится от желания! Чрево её, как пустыня в жаркие летние месяцы! – Царица Астис, ещё продолжая содрогаться всем телом, откинула назад голову Элиава. Глаза её горели напряжённым красным огнём. И она сказала медленно, слово за словом:

– Все мои ночи будут принадлежать тебе. Ты знаешь пропуск. Ты пойдёшь сегодня во дворец и убьёшь их обоих! Ты убьёшь их обоих! – Элиав хотел что-то сказать. Но царица притянула его к себе и прильнула к его рту своими жаркими губами и языком. Это продолжалось мучительно долго. Потом, внезапно оторвав юношу от себя, она сказала коротко и повелительно:

– Иди!

– Я иду, – ответил покорно Элиав».

12

«И была седьмая ночь великой любви Соломона. Странно тихи и глубоко нежны были в эту ночь ласки царя и Суламифи. Точно какая-то задумчивая печаль, осторожная стыдливость, отдалённое предчувствие окутывали лёгкой тенью их слова, поцелуи и объятия. Глядя в окно на небо, Суламифь остановила свои глаза на яркой голубоватой звезде, которая трепетала кротко и нежно.

– Как называется эта звезда, мой возлюбленный? – спросила она.

– Это звезда Сопдит, – ответил царь. – Это священная звезда. Ассирийские маги говорят нам, что души всех людей живут на ней после смерти тела.

– Ты веришь этому, царь?

Соломон не ответил.

– Может быть, мы увидимся там с тобою, царь, после того как умрём? – спросила Суламифь. Царь опять промолчал.

– Ответь мне что-нибудь, возлюбленный, – робко попросила Суламифь. – Тогда царь сказал:

– Жизнь человеческая коротка, но время бесконечно, и вещество бессмертно. Человек умирает и утучняет гниением своего тела землю, земля вскармливает колос, колос приносит зерно, человек поглощает хлеб и питает им своё тело. Проходят тьмы и тьмы-тем веков, всё в мире повторяется, – повторяются люди, звери, камни, растения. Во многообразном кругово-

роте времени и вещества повторяемся и мы с тобою, моя возлюбленная. Это также верно, как и то, что если мы с тобою наполним большой мешок доверху морским гравием и бросим в него всего лишь один драгоценный сапфир, то, вытаскивая много раз из мешка, ты всё-таки рано или поздно извлечёшь и драгоценность. Мы с тобою встретимся, Суламифь, и мы не узнаем друг друга, но с тоской и с восторгом будут стремиться наши сердца навстречу, потому что мы уже встречались с тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламифь, но мы не помним этого.

– Скажи мне, мой царь, скажи, Соломон: вот, если завтра я умру, будешь ли ты вспоминать свою смуглую девушку из виноградника, свою Суламифь? – И, прижимая её к своей груди, царь прошептал, взволнованный:

– Не говори так никогда... Смерть не коснётся тебя... – Резкий медный звук вдруг пронёсся над Иерусалимом.

– Мне страшно, прекрасный мой! – прошептала Суламифь. Я не хочу смерти... Я ещё не успела насладиться твоими объятиями. Прижми меня к себе крепче... Положи меня, как печать, на сердце твоём!..

– Не бойся смерти, Суламифь! Также сильна, как и смерть, любовь... – Тогда Суламифь улыбнулась в темноте от счастья и, обвив царя руками, прошептала ему на ухо:

– Прошу тебя, когда наступит утро, пойдём вместе туда... на виноградник... Там снова окажу я тебе ласки мои... Подожди, мой милый... сюда идут... Да... Я слышу шаги... – Она замолчала. И было так тихо, что они различали биение своих сердец.

– Кто там? – воскликнул Соломон. – Но Суламифь уже спрыгнула с ложа, одним движением метнулась навстречу тёмной фигуре с блестящим мечом в руке. И тотчас же, поражённая насквозь коротким, быстрым ударом, она со слабым, точно удивлённым криком упала на пол. Старший врач сказал:

– Царь, теперь не поможет ни наука, ни бог. Когда извлечём меч, оставленный в её груди, она тотчас же умрёт. – Но в это время Суламифь очнулась... Глядя на своего возлюбленного и улыбаясь кротко, говорила с трудом прекрасная Суламифь:

– Благодарю тебя, мой царь, за всё... Вспоминай иногда о твоей рабе, о твоей обожжённой солнцем Суламифи. – И царь ответил ей глубоким, медленным голосом:

– До тех пор, пока люди будут любить друг друга, пока красота души и тела будет самой лучшей и самой сладкой мечтой в мире, до тех пор будет произноситься, клянусь тебе, Суламифь, имя твоё во многие века будет произноситься с умилением и благодарностью. – К утру Суламифи не стало. Царь же пошёл в залу судилища, сел на свой трон ... и, склонив голову на ладонь, приказал (писцам, в тревоге затаившим дыхание):

– Пишите! «Положи меня, как печать, на сердце твоём, как перстень на руке твоей, потому что крепка, как смерть любовь, и жестока, как ад, ревность: стрелы её – стрелы огненные». И помолчав долго, сказал:

– Оставьте меня одного. – И весь день, до первых вечерних теней, оставался царь один на один со своими мыслями, и никто не осмелился войти в громадную, пустую залу судилища».

* * *

И будто услышал Соломон чей-то голос... Однако, это внутри него кто-то сказал циничные слова, будто высеченные на тыльной стороне камня старинного перстня на указательном пальце левой руки Соломона: «И это пройдёт»... Но по мудрости своей подумал вслух Соломон, будто высек слова на камне перстня своего, носимого на указательном пальце левой руки: «Ничто не проходит»... Если бы Куприн написал только «Поединок», «Гранатовый браслет» и «Суламифь», он уже оставил бы своё имя в изящной словесности. После Куприна можно уже и не читать Ветхий Завет – он весь в его «Суламифи». При этом, в ветхозаветной «Песнь песней» Соломона и в 12-и главах эротической сказки Куприна больше чувства и аромата жизни, чем в неразделённости взаимоотношений у Бунина. «Суламифь» – это плотский вариант «Гранатового браслета».

Глава 2. Закруткин

2.1. «Образ первой любви»

Эту новеллу Закруткин отправил Комдиву на отзыв. Кто смотрел «Полосатый рейс», возможно помнят сцену на морском пляже, к которому плывёт «вон та группа в полосатых купальниках» после побега с парохода. Солнце, жара, жёлтый песок и горизонтальные загорающие. Один из них: толстый, усатый под белой войлочной шляпой обгорает в сонном состоянии. «Группа в полосатых купальниках» высаживается на берег, пляж во главе с молодым Лановым (возможно, это была его первая роль в кино) в ужасе разбегается, толстяк в шляпе продолжает похрапывать, один из тигров в недоумении подходит вплотную и обнюхивает лежащего. Тот сквозь сон бормочет: – Вава, ты всегда мне снишься в таком экзотическом виде. – Поворачивается на бок, поправляет шляпу на голове и продолжает досматривать свой «экзотический» сон. Вот приблизительно так происходило сосуществование Закруткина с девушками. Начиная с детского сада. Там вместе с ним в одной группе обреталась девчушка, склонная к полноте, которой он как будто нравился, если иметь в виду её регулярное опекаание молодого Закруткина, вплоть до сопровождения в руки его мамы, когда та приходила, чтобы забрать домой. Эту девчушку он помнил как факт, до сих пор непонятный по отношению к себе. Ещё тогда же была Тата (Татьяна – «русская душой»). О случае, в качестве «образа первой любви» с этой соблазнительницей, нежно-розовым поросёночком, которого подают к богатому застолью, Закруткин признался по просьбе попутчицы, направляясь как-то в командировку.

Небольшое отступление о книгах

Как то Закруткин дремал на кухонной кушетке, уронив, изданную в мягком переплёте карманного формата дурацкую книжку о женской любви, написанную к тому же женщиной, и ему снился его случай первой любви. Высказанная как-то гипотеза о том, что понятие «любовь» – философское (кто первый докажет, что – это не так, пусть первый бросит в Закруткина камень) проецируется на сознание своими «образами», пока не опровергнута, зато не раз подтверждается. Известно, что есть авторы, получающие за свои сочинения деньги, их творения не только печатают в мягких переплётах, но народ читает в поездах и залах ожидания, оставляя потом на сиденьях. Есть другие, которых держат в домашних библиотеках и перечитывают. И есть авторы, которые доступны безвозмездно. Кого из них больше? Если из домашних библиотек не так много и они, бывает, напишут всего одну книгу за всю жизнь, как Сервантес, когда ему было пятьдесят, то оставляемых на сиденьях, как их ни пинают, мало интернета. Справедливости ради, надо отметить, что не все они неграмотные графоманы.

Образ первой любви

Должна же быть последовательность перед «вечной» – заметил Закруткин, начав эпиграфом из Тэффи:

Что-нибудь о вечной любви, – звонко сказал женский голос. – Вы когда-нибудь встречали вечную любовь?

(Надежда Тэффи. «О вечной любви»)

Эта сентиментальная мелодрама (хотя мелодрам без сантиментов не бывает) произошла по пути в очередную командировку – куда и зачем – это не столь важно, интересно другое. Как уже было не раз, это было в купе поезда, где мы случайно оказались вдвоём (возможно, такие случайности случаются – если Гегель вместе со мной не врём). При этом, попутчиком (точнее – попутчицей, и это следует из логики рассказа) оказалась симпатичная блондинка... В связи с этим и родился в тот вечер (прошу понять правильно: для традиционного рождения требуется 270 вечеров, т.е. приблизительно девять месяцев, а в командировки так долго теперь не ездят), родился речитатив об одном из множества упомянутых «образов любви». Вот малая часть этого множества изящной беллетристики (прошу извинить за тавтологию). Фрейдковский «образ сублимированной любви» (сублимации) – это отдельный разговор... У Надежды Тэффи подробно показан «образ вечной любви» (тоже начавшийся в вагоне поезда). У Александра Житинского – «образ элегической любви» (и тоже в вагоне поезда). Алексей Толстой предложил «образ возмездной любви» (и этот – в поезде: эротика с подоплёкой военного шпионажа). От Ирины Одоевцевой – «образ могильной любви» (буквально: на кладбище, на могильном холме, а не на вагонном диване, но тоже очень, очень...). У Алексея Слаповского – «образ непроходящей любви». У Александра Богданова и Алексея Толстого – «марсианский образ любви». Причём, ни один «образ» не обходился и не обходится без физиологии, а другое, кстати, Зигмунд Фрейд считал ненормальностью.

Пройдя по ковровой дорожке коридора вагона, остановился у двери купе, номер которого был указан в билете и деликатно постучал. Почти сразу девичий серебряный голосок, позвал: – Войдите... Начитанный в глубокой юности указанными «образами» и в надежде, что в купе больше никто не постучит, нажал на ручку двери... «Прощайте, мои бедные глаза, вы никуда не годитесь после такого» – сказал бы Гоголь, но он в командировки не ездил, а командированный внешне спокойно поприветствовал незнакомку, попросил извинить за беспокойство, уточнил соответствие номера купе указанному в его билете, сообщил свой маршрут и представился. Сидевшая на диване с книгой в руках, девушка в свою очередь назвала себя: – Ирина.

– Она прехорошенькая, но строгого вида. И книга, как успел заметить, имела такое же название: «Формальная логика». Разместившись, завёл разговор о том, о сём, как это случается в поездах, но не о погоде. Ирина оказалась раскрепощённой и интересной собеседницей, весело реагировавшей на байки, несмотря на «Формальную логику». Не жеманясь и без ханжества поучаствовала «за знакомство» в дегустации «Киндзмараули». Согласно неформальной логике вспомнили нечаянно об «образе первой любви», (который имеет место быть впереди «вечного», не так ли?). Что возобладало в купе: «формальность» или естественность – умолчу (потому, как по Тэффи, «о тех, которые были недавно, рассказывать не принято»). Но случай – почти по Житинскому. Попутчица, милая и общительная девушка, кокетливо спросила:

– Какой была у Вас «первая любовь»? Расскажите хоть один случай.

– Один? Их столько, что затрудняюсь.

– И все первые?

– Натурально. Любви не первой не бывает. Ну вот, например, могу Вам рассказать одно маленькое, но без продолжения приключение. Дело было, конечно, давно. О тех, которые были недавно, джентльмены не рассказывают (хотя Пушкин даже написал, что у него было в стогу

с «чудным мгновеньем»). Случилось это... Дверь из комнаты, если её открыть, а открывалась она наружу, в небольшой холл, образовывала с перпендикулярными стенами замкнутый треугольник, некое подобие алькова, где и разместился кое-как со своей возлюбленной. Свои трусики девочка предусмотрительно сняла (возможно априори или уже была наслышана о случае под телегой в «Петре Первом»), а может и вообще не надевала (в предчувствии моды танцплощадок в будущем). Кто приподнял край платья – может, Мальвина, повернувшись спиной? Как сейчас помню: присев, укусил её левую бело-розовую полусферу юго-восточной части спины (это то место, что расположено ниже т.н. «талии»). Было ли это проявлением моего любовного пыла в настоящем или женоненавистничества – в отдалённом будущем, но то, что пушкинская болтливость моей Дульсинеи повлияла на последнее – можно предположить, как вероятность. Нечего говорить, что девица была счастлива вниманием к прелести части её туловища, и потому не замедлила похвастаться своей радостью с воспитательницей нашей группы (забыл сказать, что «это всё происходило в городском саду», как пела Анна Герман своим ангельским голоском). Воспитательница в течение всего дня с изумлением посматривала на меня (ведь «в СССР секса нет») и с сожалением, негодованием и завистью – на мою Лолиту, но ничего не говорила до прихода моей мамы. Они пошептались тет-а-тет, после чего мне была прочитана примерно получасовая лекция – не запомнил содержания, но – с явным уклоном против аморальности моего «подвига». Дома меня не побили, что явилось случаем из ряда вон выходящим, т.к. и за меньшие преступления мама обычно воспитывала физически – посредством юго-восточной части моей спины, но этим элементом организма «воспитание» не ограничивалось, доставалось и другим частям. Таким образом, в детском саду (что естественно) «образ первой любви» остался незавершённым. А вагонное радио четырьмя октавами неподражаемого Лепса напомнило об экономии энергоресурсов: – Гасите свечи, – но обнадежило: «И если некому вас обнимать за плечи, Спокойной ночи, может, завтра будут встречи...».

И оптимист Закруткин в противовес «образу первой любви» вспомнил другой, произошедший с ним на аэродроме, когда он чуть ни погиб.

Октябрь

Нет последнего прощания с жизнью, потому что желание жить столь огромно, что никто в свою смерть не в состоянии поверить.

(Я.Вишневский. «Между строк»)

Не надо впадать в отчаяние...

(«Особенности национальной охоты»)

Ну и октябрь – холод собачий. Работал на крыше склада парашютов – это около 4 м. над уровнем аэродрома. Залезал туда со стремянки, а т.к. высота стремянки – 3,25 м., то на необходимый «уровень» надо было ещё и запрыгнуть. Облокотился локтями на «уровень», подтянулся и, оттолкнувшись, запрыгнул. Встал на ноги, а когда вытягивал на крышу кабель от артскважины, для ремонта которого и полез, услышал специфический звук упавшей алюминиевой конструкции. Вернулся сверху посмотреть, – что бы это значило? Стремянка, задетая кабелем, упала... Путь к возвращению на грешную землю невозможен.

«Всё, можно впадать в отчаяние».

Что делать? – этот, первый из двух сакральных вопросов, присущих русскому человеку, категорически взбудоражил. Но второго – кто виноват? – не возникло, т.к. на крыше был в одиночестве, если не считать больших птиц, круживших в небе, словно зовущих туда. Нет, это не были коршуны или тому подобные стервятники, чтобы поживиться несчастным, умершим на крыше склада парашютов от голода и жажды, т.е. чтобы склевать меня (хотя мною можно было подавиться – если Маяковский говорил о себе: «Я из мяса и костей весь», то во мне сравнительно больше второго из упомянутого рагу (может потому, что купили в магазине? – в противоположность тому случаю, когда моя мама – по её рассказу – нашла меня на острове, около коровы, которая зализывала вторую макушку – эта мамина наивная метафора составляет, тем не менее, историческую правду, т.к. макушки образовалось две – вторая надо лбом, которая и является, якобы, результатом парикмахерской деятельности упомянутой коровы).

Это были аисты – из сочувствия, может быть, собиравшиеся отнести меня кому-нибудь в подарок. Кроме аистов – в воздухе, мне молча сочувствовали – на поле аэродрома, сиротливо стоящие несколько самолётов.

Если спрыгнуть – можно разбиться, т.к. земля мёрзлая и бетонные ступени входа на склад – на расстоянии прыжка. Пошёл по пресловутой крыше по периметру: два-три места позволяли как бы спастись, но при этом обещали покалечить. Замаячила перспектива голодной смерти в одиночестве (не в яме, но и без Аиды. Кстати, в глубокой юности, в Туле побывал на нескольких представлениях опер Саратовского театра, в т.ч. «Аиды». И был потрясён. Конечно, музыка, голоса, декорации, хор – да. Но, не зная сюжета тогда, по своей впечатли-

тельности был потрясён его pointe: Аида добровольно и тайно спустилась в яму, чтобы встретить там осуждённого на смерть Радамеса и умереть вместе с ним).

«Да, есть из чего впасть в отчаяние».

Ещё побродив по крыше с печальной мыслью о превратностях судьбы и загробной жизни, обнаружил близко растущее дерево и вспомнил барона Мюнхгаузена. Одно из двух: либо он утонул бы в болоте, куда угодил вместе с конём, либо ... одно из двух (как говорил бесподобный Швейк: «... либо пациент жив, либо пациент мёртв»). Все знают, что выбрал Мюнхгаузен. Правильно – жизнь, потому что голова у барона была думающая, а рука сильная – и он вытащил себя за волосы из болота, разумеется, вместе с конём. Очевидно невооружённым глазом, что мне далеко до милого моему сердцу Мюнхгаузена, во всех смыслах, но последовал его примеру и выбрал жизнь, потому что ничего ещё не успел совершить героического – даже пообедать сам и накормить свою собаку, вернуть долги, обнять кого-то и даже сочинить эту записку. Коротко говоря, попёрся к дереву спускаться. Как – это надо рассказывать отдельно и в другом месте. Однако, не буду преувеличивать своё достижение: спускался-то без лошади (правда, у меня была нелёгкая сумка с инструментом, которая оседлала меня, как барон – своего коня). И ведь спустился таки – несколько ободранный, но в общем без потерь, чтоб, как было сказано поэтом: «ногою твёрдой встать при море» (в моём случае – при аэродроме). Опять нет повода не выпить. К чему привело это событие, мини подвиг, удачно завершившийся? К философскому резюме: чтобы что-то получить, надо чем-то пожертвовать (как в шахматах: количеством – за качество или в моём случае – ободранностью за спасение, хотя бы и временное). Что сказал персонаж в «Особенностях национальной охоты»? Он сказал:

– Не надо впадать в отчаяние.

В несчастьях следует утешаться тем, что самый тёмный час – перед рассветом. «Спокойной ночи, господа. Может завтра будут встречи» – вот это имело место быть наяву и именно с Татой...

2.2. Закруткин и Тата

Вечером пятницы Закруткин с серьёзной рожей сидел в халате и домашних туфлях за столом перед ноутбуком и сочинял никому не нужную рефлексию на ещё более никому не нужную утопию Мальвины – так обозвал он барышню-профессорку, приславшую ему свои:

«Тайна стихов. Размышлялки

В чём секрет притягательности хороших стихов? Почему даже неискушённого они завораживают, захватывают и не отпускают, пока не начнёт задыхаться от нахлынувших чувств? Такое чудо случается, если поэт глубоко чувствует малейшие вибрации души и в своём воображении проживает, как собственные, драмы других людей. Необычный стиль и самобытный стихотворный строй только усиливают накал сопереживания, не оставляя ни малейшего шанса равнодушию. Хорошие стихи говорят сами за себя. Нужно только услышать. Но много ли тех, кому это удаётся в полной мере?».

Закруткин подумал:

– Написала и чего-то ведь ждёт, не будем же её томить. -

«Неискушённый» Закруткин, вообще-то читал не только прозу и не только свою (иногда), но до «вибрации» от рифм не доходило, хотя в больницу он всё-таки угодил.

Отступление о судьбе

Закруткин угодил в больницу с аритмией. Там его несколько дней помучили таблетками и капельницами, привели в равновесное состояние и молодой врач (или доктор – как правильно?) сказал, что болезнь купировали и предложил коронарографию, вкратце объяснив назначение и технологию. Закруткин согласился. Ему уже выдали станок безопасной бритвы – оказывается катетер надо было вводить через паховую артерию. А к вечеру у него немного подскочила температура, и дежурная медсестра, очевидно, посоветовавшись с дежурным врачом, отправила Закруткина этажом выше, во вторую кардиологию. Закруткин, на ночь глядя, заметался по поводу бритья, что ему с большим трудом удалось осуществить и он, физически подготовленный, улёгся на указанную дежурной кровать в похрапывающей палате. Температура быстро сама собой перешла в «среднюю по больнице», а лечение продолжила новый врач (или доктор). Прошли дополнительные исследования, в т.ч. с «телевизором», как это здесь называлось больными (суточная кардиограмма в реальном времени). И вскоре доктор подошла к нему с разговором о коронарографии. Она объяснила, что это не просто исследование, а операция с возможными нежелательными последствиями... Закруткин резонно заметил, что если полученные до сих пор показатели в пределах нормы, то зачем тогда коронарография? И, как он понял по её отмене, необходимости в ней кардинальной не было. В ближайшую пятницу его выписали из больницы и он отправился домой. Не подскочи у Закруткина температура, он остался бы в первой кардиологии и ему сделали бы обещанную коронарографию. И Закруткин представил:

Экзерсис

...не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит и по Тебе.

(Дж.Донн. «Молитвы»)

О смерти «думают» так или иначе все – больше писатели и поэты (как более впечатлительные натуры, особенно – последние), а также философы и другие рефлексиирующие. В древние века авторы (в т.ч. – Библии) в общем настраивали и настраивались на восприятие смерти, в качестве возвращения. Церковь призывала радоваться и уж никак не плакать. Можно ли говорить о справедливости смерти? Или это риторический вопрос? Человек создан по образу и подобию, бог бессмертен, а человек – нет (указанное в Библии наказание человека будущей смертью при изгнании из рая нелогично, т.б. что первые люди жили не 72 года, определённые Мечниковым в «Этюдах» и даже не 120 лет, назначенные Библией, а, как в ней же указано: «наказанный» Адам – 930 лет, Ной – более 950, правда, о Еве подобной записи не обнаружено, и ближе к новому времени продолжительность жизни заметно уменьшилась: Моисей умер в 120 лет). Можно отметить субъективный ответ на сакраментальный вопрос о справедливости смерти человека: у бога нет «справедливости», у бога есть милость... Вместе с тем, зачем было рождаться? При том несправедливом факте, что черепаха или ворон и даже баобаб живут дольше (хотя – надо признать – тоже умирают). Всё-таки задумано было наверное не это. Предназначение человека не в смерти, по крайней мере – не в такой скорой. Как заметил М.М.Жванецкий: – Пусть умру, если без этого не обойтись. Но нельзя же так быстро.

Дети стоят в очереди за своими родителями, а перед теми уже никого – умерли. Режиссёр «Ленкома» Марк Захаров предлагал захоронить тело Ленина из Мавзолея. «Ждал, ждал, пока не дождался». Схоронили Абдулова. Схоронили Караченцова ... И самого Захарова, к сожалению... «Сия пучина поглотила их. В общем, все умерли». Теперь перед дочкой Марка Анатольевича – Александрой никого нет. Закруткин иногда оглядывался на себя... По субъективному ощущению – без кардинальных изменений («Практически здоров», – как заключил стоматолог призывной медкомиссии, выдирая «глазной» зуб с левой стороны), кроме неудач в беге за уходящей маршруткой и неподъёмности массы более 50 кг. Как пишет Игорь Миронович Губерман:

Я дряхлостью несколько не смущён

И часто в алкогольном кураже

Я бегая за девками ещё,

Но только очень медленно уже.

Закруткин недоумевал по поводу смерти и считал её несправедливостью, а Яндекс пообещал ему октябрь 2038 года... И вот, пока жив, изготовил о «тайне» краснобайства некой барышни.

«Медаль»

И нет такой глупой бабёнки, которая не готова была бы высказать свое твёрдое мнение по любому поводу.

(Монтень)

Сударыни и судари. Товарищи и – соответственно – товарищи. Никого не собирався и не хочу обидеть и тем более – оскорбить. Много ли таких, как барышня с «размышлялками», которой «удаётся в полной мере услышать чудо поэта, глубоко чувствующего малейшие вибрации души» и т.д.? Циник решительно скажет: – Опять у дочерей Евы словесная диарея, дилетант же полагает, что «Тайна стихов» не «Ёжик в тумане», а демагогия. Эта претенциозная «размышлялка» барышни о себе Айоге (или Ай-Яге?), нюхательный и жевательный табак, о чём уже сказал Пушкин:

«А ты, прелестная!.. но если уж табак

Так нравится тебе – о пыл воображенья! -

Ах! если, превращённый в прах,

И в табакерке, в заточенье,

Я в персты нежные твои попасться мог,

Тогда б я в сладком восхищенье

Рассыпался на грудь под шёлковый платок

И даже... может быть...

Ах, отчего я не табак!..»

Прозой была выражена другая, здравая мысль «О женском сердце»:

«... кверху поднимается сок, а через глаза залетает мирская тщета и движется вниз. Встречаются в середине груди, вскипают и соединяются в чёрную субстанцию, которая есть корень женского естества. От него в мире вся злоба и сучество, боль сердца, мракодушие и тоска. И не избыть того никак, ибо женщина влечёт к себе через неправду, а если рассеять обман, то сразу видно, что она и вовсе не нужна, а без неё намного лучше. Этой ясности ей не пережить, и узреть истину мужчине не даст, поскольку охотиться сама не может. Потому всё время врёт и существует, и сама понимает, как завралась, но сделать ничего не в силах, и в глазах у неё тоска и страх. А если припереть к стене и долго бить по морде, то сознается во всём, но скажет, что без той хитрости иссякнет жизнь. Истинно так. Потому мудрые говорят, что жизнь есть надувательство и чёрный обман». Но с другой стороны (ведь у всякой медали две стороны, и у этой – тоже), если сопоставить текст с обозначением: «Размышлялки» (жанр, рубрика – was ist das?), не подходящим к «тайне»? В этом-то и «порылась собака» – название (жанра, рубрики или чего?) нечаянно выбрано для последующего текста, открывая его несерьёзность, «надувательство и чёрный обман» (сам иногда вру, но не обманываю), «сучество, корень женского естества, иррациональность, мракодушие и тоска». Такова вторая сторона медали – для барышни, остепенённой в теории научного коммунизма темой: «Социальная справедливость и ответственность личности в условиях совершенствования социалистического общества». Совсем не обязательно дочерей Евы «припереть к стене и долго бить по морде», они всё равно не признаются, но скажут, «что без той хитрости иссякнет жизнь». А вы говорите – купаться. Практически текст был готов, и Закруткин, держа в руках блокнот и карандаш, размышлял – как бы содеянное сократить?.. Звонок в дверь прервал его задумчивость.

Тата

– Кому это приспичило в субботу с утра пораньше?.. – Хотя уже вечерело. Помедлил. В дверь несильно стукнули кулачком и несколько секунд спустя – каблучком.

– Похоже, девушка. Да, лучше открыть, пока соседи не проснулись. – Вернул ступни в домашние туфли, запахнулся и пошлёпал открывать. В открытом проёме двери, предусмотрительно улыбаясь, стояла Татьяна – «русская душой» или Тата, как её называли близкие.

– Это я ломаю дверь. – Напомнила она «Иронию судьбы...» и обняла опешившего хозяина, прижавшись всеми передними поверхностями своего девического организма. От неожиданности он выронил блокнот и рефлексивно обнял гостью. Та поцеловала его напряжённый лоб и доверительно сообщила:

– В гостиницу меня не берут...

– Это при её-то финансах и знакомствах. – Успел подумать ошарашенный Закруткин.

– Возьми ты... По глазам вижу, что рад и согласен. – И заговорчески прошептала ему в ухо:

– Будем бесконечно показывать наше стояние всем проходящим?

– Да уж, – сообразил он, внёс гостью внутрь и, повернувшись вместе с ней, пяткой захлопнул дверь. – Как же ты меня нашла и в такую рань припёрлась?

– Во-первых, где эта «рань» на ночь глядя? А, во-вторых, сочинитель, если я училась с тобой в начальных классах, это не значит, что не узнаю о твоём следе в пресловутых Доме писателя и «Вешних водах» в соседстве с питейным заведением «Хочу всех».

* * *

Они учились в одном университете, но он на год позже. Отношения были тёплыми: вместе сбегали с занятий, ходили в кино, гуляли в парке, готовились к экзаменам – были товарищами. Однажды Татка позвонила, помочь в каком-то задании. Он приехал, надел предназначенные ему тапочки. Посмотрел задание, девушка в процессе как бы нечаянно прижималась. Вскоре нашлось решение, Закруткин собрался прощаться. Вдруг Татьяна, стоявшая у кровати рядом с сервантом, без слов сбросила с себя юбку и распахнула блузку, таким образом оказавшись голой:

– Я знаю, ты хочешь... И я... – Достав из ящичка серванта, протянула ему пакетик. Он, попятившись, взял, а она достала ещё тюбик с каким-то кремом. Закруткин заметил у неё увлажнённость между ног над четвёртым «окошком»:

– «Поплыла». – Цинично подумал Закруткин, и недоумённо: – А крем-то зачем? Ты же...

– Ты, когда... то не сразу, не сильно...

– Так ты?..

– Да, ни разу, ни с кем...

– Татка, тебе же замуж ещё... – Закруткин поперхнулся, бросил полученное от внимательной хозяйки, и прямо в тапочках, забыв, закрыл за собою дверь. Неизвестно, что было с Татьяной после, но через несколько дней она позвонила:

– Всё... Я сама...

-?..

– Морковкой. Было немного больно и крови... Приезжай, очень жду тебя.

– Ты дура?..

– Закруткин, я ж, чтоб ты не переживал, я тебя люблю...

– Вот когда и если поумнеешь... – После этого нонсенса они не встречались, кроме университета, тапочки он ей вернул по почте.

Оба в своё время закончили универ, Татьяна – с красным дипломом. Арамис рассказывал, что она всё-таки побывала замужем, его звали Феликс. Закруткин немного помнил его по школе: высокий худощавый парень, отдалённо напоминавший Дзержинского (это, наверное, было во вкусе Таты), который через год-полтора счастливой совместной жизни повесился, и это уже было в его «вкусе». Детей у них не случилось – не хотели или не успели. Всех последующих упёртых претендентов Татьяна дипломатично отправляла на три буквы русского алфавита (это она могла). В тоже время, Тата была умница, красавица, дорого и продуманно одевалась, работала управляющей с евро-зарплатой в представительстве какой-то западной фирмы.

* * *

– Время ужина. – Продолжила Тата. – Или утро у тебя от счастья? – Она прошла мимо него на кухню и заглянула в холодильник:

– Надо же, работает... – На крыше холодильника стояла початая бутылка коньяку, внутри лежало одно яблоко и кусочек сливочного масла, а в морозилке – классическая пачкапельменей.

– «Медвежье ушко» – ну, назовут же. Зато, – подумала дальше она, – конкурирующей фирмы нет. Ты вот что, сочинитель, – продолжила она вслух затормозившемуся хозяину, – подбери блокнот, дуй вниз, принеси, пожалуйста, из такси пакеты, да, и расплатись. Не переодевайся – так ты больше на мужа похож – чтоб таксист не подумал чего в мой целомудренный адрес.

– Какая предусмотрительная. А много наездила?

– А чёрт его знает, что он там накрутил, может рублей 500. – Закруткин хмыкнул, но послушно достал из куртки на вешалке кошелёк, переобулся и, не вызывая лифт, задумчиво потопал пешком. Расплатился, забрал два тяжёлых пакета – из одного нахально торчало горлышко бутылки. В течение получаса стараниями Таты ужин был готов – к удивлению Закруткина – и оказался вкусным. Закруткин для демонстрации широты своей натуры, но сознавая, что угощать пришедшую в гости девушку коньяком, тем более уже из открытой бутылки, не очень хороший тон, тем не менее объявил:

– У меня ещё и коньяк есть... – Татьяна посмотрела на него:

– Ну, это понятно, уже заметила. Но это с горя, а у тебя радость. – После завершения трапезы и оприходования бутылки красного в противовес коньяку, Татьяна спросила:

– Что с горячей водой?

– Посуду сам вымою. – Сокрушённо ответил Закруткин.

– И это правильно, как сказал классик. Но я про душ – функционирует?

– Обижаешь ... – Закруткин достал из шкафа большое банное полотенце.

– Нормалёк, а ты пока с посудой разбирайся. – Из ванной гостя вышла разруганная и завернутая ниже талии в полученное полотенце:

«И целомудренно и смело,

До чресл сияя наготой,

Цветёт божественное тело»,

как сказал поэт, а топлес Тата символически прикрывала ладошками:

– Что глаза тарачишь? Халат на тебе, что мне было делать? – Неожиданно полотенцу пришла блажь или от высказанного «возмущения» оно свалилось без предупреждения:

«Только избранным пояс развяжется,

Окружающий чресла богинь»...

«Развязанная богиня» ойкнула и быстро (к сожалению Закруткина, измученного стоизмом против полигамности) подняла перед Закруткиным полотенце, как тореодор – красный плащ перед быком, но открыв одновременно прелестную грудь, и слева Закруткин заметил маленького зелёного дракончика – ему показалось, что где-то он уже видел похожий символ «образа любви». Надо признать, что это пикантное начало продолжилось утром кофе с известным коньяком, а предшествующий вечер, после красного вина, мытья посуды и душа, застал обоих в горизонтальном положении в одной постели. Сначала, правда, Закруткин свернулся калачиком на кухонной кушетке. Но когда среди ночи почувствовал рядом девичье тело уже без полотенца, то из тесноты кушетки они вместе: она, крепко держа его за руку, а он, обняв её за юго-восточную часть спины, перебрались босиком несколько метров в комнату на более просторную постель, где только что была Татьяна. Здесь Закруткин обнаружил, что мягкие полусферы внизу у Татьяны прохладные, и вспомнил, что в Англии существует закон, по которому муж имеет право развестись, если у жены холодные ноги. Татьяна переложила руку Закруткина на свои верхние полусферы, которые оказались тёплыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.